

S.S.MASLOVA-LASJANSKAJA. OM ORDBILDNINGENS SYNTAKTISKA
FUNKTIONER I SVENSKAN

Både sammansättningen och avledningen kan i svenskan tjäna som ett syntaktiskt medel.

Sammansättning. En mängd svenska sammansatta ord skapas "medan vi talar och skriver" (U. Telemann), dvs tillhör inte språkystemet. Sådana med produktiva ordbildningsregler bildade ord (t.ex. Camla stan-bränden eller blåsippkantad i "de blåsippkantade rännilarna" av V. Ekelund) förtecknas inte i lexikon. Om detta slags tillfälliga ord upprepas ofta, förvandlas de till lexikaliserade benämningar på något och förtecknas då i lexikon (t.ex. alit-och-slangmentalitet; se SAOL, 11 uppl.; jfr ordet köp-slit-och-slangmentalitet som förekommit i en text men inte finns i svenska ordböcker).

Avledning. Det finns avledda ord som skapas i syfte att ändra på utgångsordets syntaktiska funktioner. Ett exempel: verbet morfemanalysera har bildats av substantivet morfemanalys för att brukas som predikat i en sats (t.ex. På vilket sätt kan man morfemanalysera dessa ord?); substantivet morfemanalys kan inte brukas på samma sätt som verbet.

A. B. Савицкая

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ В ВЕСТЬЕТСКОМ ПРАВЕ

Словосложение является в современном шведском языке одним из важнейших способов создания новой лексики. Как отмечает У. Турель, возможности шведского языка в образовании сложных слов в принципе безграничны¹. Вопросам словосложения в скандинавских языках посвящено значительное число работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Именно в силу актуальности данного вида словообразования для современного шведского языка, интересным представляется обратиться к материалу древнешведского периода. С этой целью в статье использованы два издания древнейшего письменного памятника шведского языка, Вестьетского права (далее - VGL), толковый словарь К. Шютера, входящий в издание древнешведских законов (далее - S), и перевод VGL на современный шведский язык, выполненный О. Хольмбеком и Э. Вессеном².

Прежде всего надо отметить, что даже при сплошной выборке композитов из текста VGL указать их точное количество достаточно сложно. Дело в том, что, как известно, уже в древнешведских текстах композиты могли употребляться как эквиваленты словосочетаний, причем между первыми и последними далеко не всегда можно провести четкую грань. Если для современного языка обычно можно говорить о различном оформлении компонентов сложного слова и составных частей словосочетания, то для древнешведского основным критерием отличия, как правило, оказывается слитное/раздельное написание компонентов. Однако этот критерий в применении к тексту VGL часто оказывается ненадежным, поскольку установить какую-либо последовательность в использовании композитов-эквивалентов крайне сложно. Так, например, в одной и той же главе есть два варианта³: *þings manna vittni* и *þingamanna vittni* (KB, 3). Не вносит полной ясности и словарь Шютера. В целом ряде случаев в словарной статье дается и слитное и раздельное написание (*kirkiubol* - *kirkiu bol*, *samulund* - *sama lund*). Очевидно, здесь проявляется аналогичное отмеченному В.М.Павловым на немецком материале "колебание в осознании этих лексических единиц как сочетаний или слов"⁴. Для носителя современного языка эти "колебания" в большинстве случаев устранимы в пользу "слов". Э.Вессен, издавая древнешведский текст VGL в 1954 г., несколько меняет орфографию оригинала с целью облегчить его чтение. Во вступлении он объясняет: "Сложные слова (композиты) пишутся слитно... и наоборот..."⁵ В результате в издании Вессена композитов оказывается значительно больше, чем в издании Шютера. Интересно, что тот же Вессен, переводя VGL на современный шведский язык, в ряде случаев заменяет композиты словосочетаниями. В тех случаях, когда вместо древнешведского композита дается предложный оборот, это можно связать со стремлением автора дать пояснение современному читателю: *vaðæskenu* - *skråna av våda* (VS, 4) (в издании Шютера было два слова), *saræsbötaer* - *böter för sår* (ÆB, 18) (у Шютера было два слова). Замена же композита на определительное сочетание с существительным в род. падеже или прилагательным носит, скорее, чисто грамматический или стилистический характер: *konongegarðer* - *konungens gård* (PB, 3), *þa ær þæt fulsæri* (SB, 1) - *då är det fult sår* (у Шютера в первом случае был композит, во втором - два слова).

В общей сложности из текста VGL было выписано около 300 сложных слов (сложные числительные не рассматривались). Все эти слова можно считать двукомпонентными. Лишь в 40 случаях первый компонент является сложным, состоящим из двух частей. Аналогичные композиты современного языка Р.Сёдерберг рассматривает как двукомпонентные: *arbetsmarknadsstyrelsen* - *arbetsmarknads-styrelsen*⁶. Думается, что справедливо так же рассматривать и композиты из VGL, поскольку в большинстве случаев в тексте можно обнаружить употребленный самостоятельно первый компонент такого композита: *siumættingsgyarð* (BB, 1) - *siumætting* (BB, 1), *hindradaxgiæf* (ÆB, 25) - *af hindradax* (BB, 7). Остальные композиты состоят из двух "простых" компонентов. В подавляющем большинстве случаев это сложные существительные. Зафиксировано 46 сложных глаголов и причастий, а также единичные примеры употребления сложных прилагательных и наречий.

Среди сложных существительных доминирующей является группа с первым компонентом - существительным (более 70%). В 17 случаях первым компонентом является глагольная форма, в 14 случаях - прилагательное, в 5 - наречие. Похожая картина наблюдается и при исследовании современного текста. Рассматривая 276 сложных существительных, Р.Сёдерберг отмечает 80% с субстантивным первым компонентом, 8% - с наречием или предлогом в качестве первого компонента, 6% - с прилагательным и 4% - с глаголом⁷.

В тех случаях, когда первым компонентом сложного слова является существительное, оно может иметь разное морфологическое оформление. Здесь представляется возможным выделить три более или менее одинаковые в количественном отношении группы:

- 1) первый компонент сохраняет словарную форму, не имея соединительной морфемы: *utæn vaksökten* (AM, 5), *skroksak* (SB, 2);
- 2) первый компонент представляет собой основу, т.е. происходит усечение окончания (соединительной морфемы нет): *banorð* (AM, 1) < *bani*, *varðvetæ* (KE, 1) < *varðer*;
- 3) первый компонент сохраняет окончание род. падежа, становящееся соединительной морфемой композита: *bykkihvælp* (KB, 5) < *bikia*, *hælgisbot* (AM, 1) < *hælg*, *byrgmark* (JB, 17) < *by*, *haldgæsla* (AM, 1) (здесь первый компонент образован от глагола *hålla*).

В крайне редких случаях первый компонент имел форму мн. числа (*i bondalaghum* (AM, 5)) и никогда - форму с определенным артиклем.

Имеющийся перевод VGL на современный шведский язык, выполненный Вессеном, дает возможность увидеть морфологическое оформление тех же компонентов сложных слов в современном тексте, хотя и не всегда, в силу изменений, произошедших в лексическом составе языка, а также замены в ряде случаев композитов различными словосочетаниями, о чем говорилось выше. Однако сделать некоторые наблюдения представляется возможным. Так, в тех случаях, когда сложное слово имело в древнешведском нулевую соединительную морфему, оно, как правило, в том же виде сохранялось и в современном переводе (таких примеров 58). Своего рода исключением является слово *fridbrut* (KB, 12) - *fridbrott*, получившее в современном переводе соединительную морфему *-s-*. Если в древнешведском композите в качестве соединительной морфемы выступало генитивное окончание *-s*, оно почти всегда сохранялось в современном переводе (12 случаев). Лишь иногда на его месте появлялась другая соединительная морфема: *innan konungarikis* (AM, 5) - *utanför konungariket*. Если в качестве соединительной морфемы в древнешведском слове была использована гласная, то чаще всего эта же гласная сохранялась и в современном тексте (17 примеров). В 9 случаях соединительная гласная древнешведского композита в современном переводе выпадала: *fæstiband* (KB, 6) - *fästband*. В 8 случаях она заменялась другой гласной, особенно часто *-e-*: *i bondalaghum* (AM, 5) - *i bondelag*, *fiskigarþ* (FS, 9) - *fiskegård*. В отдельных случаях древнешведская соединительная гласная заменялась в переводе на *-v-*: *vittorþ* (JB, 16) - *vitsord*.

Рассмотрим древнешведские композиты с семантической точки зрения. Композиты современного шведского языка обычно делят на две большие группы: цельнозначные, значения которых представляют собой сумму значений компонентов, и нецельнозначные, значения которых не сводимы к сумме значений компонентов⁸. При этом шведские исследователи обычно акцентируют внимание на понятности для носителя языка значений отдельных компонентов в первой группе и на их "затемненности" во второй, приводящей в целом ряде случаев к восприятию композита как простого слова,

т.е. однокомпонентного⁹. У. Турель, например, называет композиты первой группы "прозрачными" (*genomskeinliga*), а второй - "лексикализованными" (*lexikaliserade*) словами¹⁰. Думается, что при диахроническом исследовании материала именно степень понятности семантики компонентов композитов в разные периоды развития языка играет весьма существенную роль.

Большая часть рассмотренных сложных слов может быть, несомненно, отнесена к первой группе и с современных позиций, поскольку значения их компонентов понятны без дополнительных комментариев носителю языка и в сумме раскрывают семантику композита, например: *af mandrapi* (AM, 5) - *för mandrär, biskopsstol* (RB, 2) - *biskopsstol*.

Значительная часть композитов может быть отнесена к той же группе для языка времени Вестгётского права, но требует определенного комментария для наших современников в силу изменения лексического состава языка или обстоятельств жизни и деятельности людей. Часто в современном переводе просто производится замена одного (или обоих) из компонентов соответствующей новой лексической единицей: *mylnudörom* (M) - *kvarndörr*. Однако во многих случаях комментарий оказывается необходимым. Так, например, *viðarman* (AM, 5) или *sundriskean* (BB, 2) в современном тексте соответственно *söðerman* или *sudländsk*, но дается пояснение, что здесь имеется в виду немец (*tyesk*); *handvalder*, восходящее к *i hand vælia*, поясняется Шлутером как "переданный в чьи-либо руки, доверенный" (S, 275), и фраза *þæt ær handvalt fæ* (AEB, 17) переводится Вессеном как *det är anförtrött gods*.

Специфика орфографии VGL иногда дает исследователям возможность по-разному толковать семантику компонентов композита. В этом отношении показательным представляется слово *lönærdrotten* (ÖM) или *lanærdrotten* (AEB, 24). Оба варианта переводятся Вессеном на современный язык как *husbonde*, что вполне справедливо, хотя Шлутер, давая их в одной статье, и предлагает различное толкование первых компонентов. В первом случае, если, как подчеркивает Шлутер, здесь нет орфографической ошибки, первый компонент восходит к слову *lön* и композит означает "господин, от которого получают плату", а во втором композит может рассматриваться как заимствование из исландского со значением "гос-

подин, которому должен хранить верность тот, кто что-либо от него получил" или как состоящий из компонентов *land* "недвижимая собственность" и *drotten* "господин". Интересно, что Шлютером выделяется и сокращенный вариант *landdrotten*, от которого, как он отмечает, пошло неверное словосочетание *land drotten* или *lands drotten* (S, 378).

Небольшой по количеству является группа слов, которые можно считать лексикализованными уже для древнешведского периода. Это такие слова, как *invistærhús* (ФВ, 5) - *utvistærhús* (ФВ, 7), *undirvip* - *aldinviper* (ФС, 2). Думается, что к этой же группе можно отнести слово *gullfingrini* (РВ, 2). У Шлютера дается толкование: *guldfingerring* (S, 241). В эту же группу входит, очевидно, и слово *dansæarf* (АВВ, 14) - *dansæarf*. Давая такой перевод на современный язык, Вессен на с.90 поясняет, что это "наследство, оставшееся после иностранца, не имевшего наследников". Интересно, что уже в XIX в. исследователи не имели единого мнения по вопросу о происхождении первого компонента композита. Согласно одной точке зрения, первый компонент восходит к слову *danar* "датчане", согласно другой - к исландскому слову *dáinn* "мертвый", но тогда, как отмечает Шлютер, *dansæarf* означает "мертвое наследство, поскольку нет наследников" (S, 117).

Надо также отметить, что в ряде случаев Шлютер в словарной статье особо выделяет значения, свойственные слову именно как компоненту композита. Так, помимо четырех значений слова *bo* даются два его значения при употреблении в составе сложного слова: 1) *som bog*, 2) *inbyggare* (S, 76). Аналогично в статье слова *öl* помимо значения "пиво" при самостоятельном употреблении выделяется значение *gästabud* (S, 781) в составе сложного слова: *ölstæþrinn* (GB, 9).

К лексикализованной группе примыкает и небольшое число композитов-заимствований, преимущественно из исландского языка: *firnæværk* (GB, 8) < *firinverk* (af *firn* 'vidunder') (S, 164, 165); *skirkutæ* (ФВ, 5), *skyrkutæ* (РВ, 5) < *skirkotæ* (S, 577); *stjórnfæster* (ФС, 3) < *stjórnfastr* (af *stjörn* 'styrja, roder') (S, 599).

Анализ композитов, обнаруженных в Вестьетском праве, показал высокую степень продуктивности словосложения в древнешведском языке. Следует, однако, отметить, что на исследуемой

стадии наблюдается лишь процесс становления словосложения как одного из важнейших способов словообразования в шведском языке. Об этом свидетельствует отсутствие во многих случаях четкой грани между сложным словом и словосочетанием, отсутствие поликомпонентных композитов, наличие лишь небольшого числа композитов со сложным первым компонентом, низкая степень лексикализации композитов. В то же время древнешведский материал уже дает возможность выделить наиболее важные структурные типы, присущие шведскому словосложению, убедительно демонстрирует широкие возможности синтаксического словосложения в шведском языке.

П р и м е ч а н и я

¹ Thorell O. Svensk ordbildningslära. Stockholm, 1981. S.14.

² Collin H., Schlyter C. Samling av Sveriges Gamla Lagar. Bd 1; Westgotalagen. Stockholm, 1827; Wevén E. Äldre Västgotalagen. Stockholm, 1954; Schlyter C. Ordbok till Samlingen af Sveriges Gamla Lagar. Lund, 1877. Bd 13; Holmbäck Å., Wevén E. Svenska landskapslagar. Bd 5. Stockholm, 1946.

³ Примеры из Вестгетского права приводятся по изданию: Collin H., Schlyter C. Samling av Sveriges Gamla Lagar. Bd 1; Westgotalagen. Stockholm, 1827. - Условные обозначения отдельных глав: AM - Af mandrapi; BB - Bardaghæ bolkaer; FS - Fornæmix sakir; GB - Giptar bolkaer; JB - Jordfaer bolkaer; KB - Kirkiu bolkaer; RB - Retlosæ bolkaer; SB - Af saeræ malum bolkaer; VS - Af vaeræ sarum; AEB - Arifaer bolkaer; ÖM - Örbotæ mal; FB - Fiuraer bolkaer.

⁴ Павлов В.М. Развитие определительного сложного существительного в немецком языке // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1958. Т.190, ч.II. С.25.

⁵ Wevén E. Äldre Västgotalagen. Stockholm, 1954. S.X.

⁶ Söderbergh R. Svensk ordbildning // Skrifter utgivna av Nämnden för svensk språkvård. N 34. Stockholm, 1968. S.8.

⁷ Ibid. S.9.

⁸ Маслова-Дашанская С.С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С.157.

⁹ Söderbergh R. Op. cit. S.7.

¹⁰ Thorell O. Op. cit. S.6.

A.V.SAVITSKAJA. SAMMANSÄTTNINGEN I ÄLDRE VÄSTGÖTALAGEN

I artikeln analyseras från olika synpunkter cirka 300 komposita ur VGL I. Den fornsvenska texten jämförs också med dess moderna översättning gjord av E.Weasén. Trots att gränsen mellan sammansättningarna och de motsvarande ordgrupperna i VGL är ganska fördunklad får man se att komposita var rätt vanliga redan då. Men genom att det i VGL I bara finns tvåledskomposita och att inte så många av dem kan betraktas som lexikaliserade ser man att på det fornsvenska stadiet var sammansättningen ännu inte ett lika produktivt ordbildnings sätt som i den moderna svenskan.

С.Г.Халипов

АТРИБУТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СИЛЬНОЙ ФОРМЫ СУПЕРЛАТИВА В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Атрибутивное употребление сильной формы шведских суперлативов до сих пор не нашло освещения в нормативных грамматиках шведского языка. По свидетельству доцента кафедры скандинавских языков Класа Онемана (Klas Öne²man) (в личном письме от 12 сент. 1986), данное явление шведской грамматики еще не вошло в научный обиход, хотя впервые словарь SAOB зарегистрировал его еще в 1925 г.¹ Трудно установить причину отсутствия хотя бы одной научной статьи об этом морфолого-синтаксическом явлении шведской грамматики, ведь оно представляет собой факт языка, что явствует из наблюдения над газетным материалом последнего десятилетия.

Исследование ограничено хронологическими рамками синхронического среза. Оно не имеет целью анализировать явление вглубь истории языка. Употребление атрибутивного сильного суперлатива свойственно почти исключительно разговорному языку, а также языку газеты, так как важной характеристикой последнего является лапидарность. В художественной литературе атрибутивный сильный суперлатив, напротив, встречается редко.

В силу вышеприведенных обстоятельств удобнее всего исследовать атрибутивный сильный суперлатив комплексным методом, пользуясь как морфологическим, так и семантико-синтаксическим анализом.

© С.Г.Халипов, 1991